

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

Рекенштейны

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.

К85 Рекенштейны / В. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 468 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77660-3

Вера Ивановна Крыжановская (1857–1924) — русская романистка, известная многочисленными женскими, историческими и оккультными произведениями.

Роман «Рекенштейны» — незабываемая история, которая переносит читателя в старинный замок, над которым нависло страшное древнее проклятие, и погружает в атмосферу мистики и тайны, столь характерную английской готической прозе.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77660-3

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Часть I
ТАБРИДЪ

Г. ВОСПИТАТЕЛЬ

По одной из прекрасно содержимых дорог прирейнской Пруссии быстро мчалась щегольская карета, запряженная парой лошадей, которыми правил старый кучер в ливрее с графской короной на пуговицах. Сентябрь был на исходе, и осень давала себя чувствовать. Беспрерывно шел мелкий частый дождь, и все кругом тонуло в густом сероватом тумане.

Дорога была гористая, окаймленная с обеих сторон сплошным лесом. Порой сквозь его прогалины открывались чудные ландшафты; но путник, сидевший в карете, казалось, был погружен в тяжелые думы и не обращал никакого внимания на местность, по которой проезжал. Плед, дорожный несессер и сундук на козлах показывали, что он едет издалека.

Путник был молодой человек лет двадцати восьми, высокий, худощавый, но крепко сложенный; его характерное лицо с правильными чертами возбуждало симпатию. Он снял шляпу и откинул голову на подушки кареты; золотисто-русые волосы, короткие, но густые, мягкими прядями

обрамляющие его белый широкий лоб, резко выделялись на синем фоне атласа; усы и небольшая борода были того же цвета. Брови были темные, соединялись на лбу и оттеняли большие черные глаза, спокойные и строгие; в эту минуту они были отуманены мрачной грустью, которая сказывалась и в суровом выражении губ; но порой его мужественное лицо озарялось отблеском энергии и гордости, доходившей до упрямства.

Барон Готфрид Веренфельс был последний отпрыск благородной и древней фамилии, обедневшей мало-помалу вследствие начала войн и несчастий. Отец его пытался поправить состояние спекуляциями, которые сначала удались, но потом окончательно разорили его. Подавленный этим несчастьем, старый барон застрелился, оставив своему единственному сыну лишь долги да заботу о матери и о молодой жене, с которой он едва только вступил в брак.

Более года Готфрид отчаянно боролся, чтоб сохранить маленькое имение, обеспечивающее ему скромное существование, но неожиданное банкротство лишило его этого последнего ресурса; смерть жены не менее жестоко поразила его сердце, и нервная болезнь приковала его к постели на несколько месяцев. Тотчас по выздоровлении молодой человек стал обдумывать, как создать себе новое положение.

Он был разбит, но не уничтожен. С помощью одного из друзей Веренфельс поместил мать и свою маленькую Лилию, которой был тогда год, к одной старой родственнице, своей крестной матери, а сам решился ехать в Америку попытать счастья. Он готовился к отъезду в Новый свет, когда неожиданное предложение изменило его намерение.

Банкир Фридман, старинный друг его отца, не переставал оказывать доброе расположение молодому человеку; теперь он письменно просил его немедленно повидаться с ним по весьма важному делу.

Обменявшись поклоном с Готфридом, банкир сказал без всяких предисловий:

— Мой милый Веренфельс, я имею нечто предложить вам, и если вы согласитесь, то, по-моему, это будет выгодней, чем поездка в Америку. Я сейчас получил письмо от моего друга и клиента, графа Вилибальда Рекенштейна. Он просил меня рекомендовать ему человека умного, образованного, хорошего круга, а главное энергичного, который взял бы на себя воспитание его сына, мальчика с испорченным характером вследствие несчастных обстоятельств, ленивого и дерзкого до крайности. В течение полугода он вывел из терпения трех воспитателей.

— Вы считаете выгодной должностью быть козлом отпущения у такого чудовища? — спросил Готфрид с усмешкой.

— Погодите. Кроме этого чудовища, которому едва девять лет, в доме его отец — такой симпатичный и благородный человек, какого только можно себе представить; к тому же больной и одинокий. Он живет уединенно в своем Рекенштейнском замке. Практическая сторона дела — значительное вознаграждение, которое граф предлагает тому, кого я рекомендую; оно равняется жалованью большой государственной должности. Это сейчас вывело бы вас из затруднительного положения и дало бы вам возможность обеспечить вашей матери и вашему ребенку удобства жизни. Вы могли бы даже откладывать на будущее время; таким образом, вам было бы легко впоследствии попытаться счастья

в Новом свете, когда вы исполните принятое вами обязательство и маленький Танкред — согласно желанию отца — поступит в военную школу. Со свойственной вам энергией, я полагаю, вы справитесь с маленьким чертенком.

Готфрид опустил голову. Рассудок говорил ему, что его старый друг прав.

— Вследствие каких обстоятельств этот несчастный ребенок так испорчен?

— Это вина его матери, — отвечал Фридман. — Графиня, говорят, отчаянная кокетка, занята нарядами, жаждет всеобщего поклонения и отравляет всех, кто попадает в ее сети. Была ли она виновна перед своим мужем или нет, но только он имел дуэль с одним слишком ревностным ее обожателем. Графиня уехала от мужа и увезла Танкреда, которому было тогда три года. С тех пор она живет за границей, где ведет веселую жизнь, сохраняя, впрочем, наружное приличие, так как возит с собой старую родственницу. Но сына своего она решительно развратила своим безграничным обожанием и поклонением его недостаткам. — Граф, серьезно раненный на дуэли, заперся с тех пор в своем замке и только в прошлом году узнал, какое воспитание получает его сын. Он потребовал возвращения ребенка, и мать отдала его с условием увеличения ее годового содержания. Остальное вам известно. Я забыл лишь сказать, что, так как правая рука графа осталась слабой, вам придется помогать ему в его переписке.

Готфрид согласился принять предлагаемую ему должность, и мы застаем его едущим на место своего нового назначения. Какое-то тайное опасение теснило его грудь, и его

гордая душа возмущалась при мысли о подчиненном положении, которое ожидало его.

Глубоко вздохнув, он выпрямился, провел рукой по лбу, как бы желая отогнать докучливые думы и, опустив стекло, стал глядеть в окно. Дорога в этом месте загибалась и довольно быстрым скатом спускалась в долину, лежащую среди лесистых гор; в глубине ее, на холме, возвышалось обширное здание, окруженное садами. То был Рекенштейн. Сердце молодого человека, непонятно для него самого, почему-то сжалось.

Пока Готфрид рассматривал свою будущую резиденцию, карета въехала в аллею вековых дубов и повернула в ворота золоченой решетки, над которыми возвышался герб; затем, обогнув площадку, украшенную фонтаном, она остановилась у подъезда.

Два лакея выбежали встретить приезжего, и один из них, помогая ему выйти, почтительно сказал:

— Граф желает вас видеть, сударь, как скоро вы отдохнете.

— Проводите меня в назначенную мне комнату, я немедленно оправляюсь и тотчас пойду к графу.

Предшествоваемый лакеем, Готфрид прошел вестибюль, убранный цветами, откуда лестница с золочеными перилами и усталая ковром вела в комнаты верхнего этажа; затем длинная анфилада парадных комнат привела его в прекрасный маленький зал, смежный со спальней, где тотчас и сложили его вещи.

— Куда ведет эта дверь? — спросил Готфрид лакея, помогавшего ему переодеваться, указывая на полуспускающую портьеру.

— В комнату маленького графа; только теперь господин Танкред запер ее на ключ, так как он очень недоволен вашим приездом.

— Разве он сидит в запертой комнате?

— Маленький граф в саду. Он очень рассердился, когда доложили о вашем приезде; разбил большую китайскую вазу, положил ключ в карман и убежал.

Готфрид, окончив свой туалет, направился в комнаты владельца замка. Старый камердинер ввел молодого человека — доложив о нем предварительно — в кабинет графа. Обои и мебель темно-зеленого цвета придавали этой комнате суровый, мрачный вид.

Возле окна человек лет около пятидесяти сидел в кресле с высокой спинкой, украшенной гербом. Ноги его, обложенные подушками, были укутаны одеялом; лицо, болезненно-бледное, сохраняло отпечаток замечательной красоты; темные глаза, отуманенные грустью, выражали доброту и страдание; волосы на голове, еще густые, начинали седеть.

— Добро пожаловать, месье Веренфельс! Мой старый друг Фридман писал мне о вас так много хорошего, что вы уже овладели моим доверием и моей симпатией, — сказал граф, протягивая Готфриду свою исхудалую руку и устремляя приветливый взгляд на красивую, атлетическую фигуру молодого человека.

— Благодарю вас, граф, постараюсь оправдать ваше доверие, — отвечал Готфрид, садясь в кресло, которое указал ему граф.

— Тяжелую обязанность я взваливаю на ваши плечи, мой юный друг, — продолжал хозяин дома. — Характер Танкреда таков, что я и понять не могу, откуда он мог взять такие